

Вопрос о Тютчеве

(Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. - М., 1977. - С. 38-51)

Оригинал здесь -- <http://www.philology.ru/literature2/tynyanov-77d.htm>

1

Тютчевская годовщина заставит вопрос о Тютчеве, о его изучении - открытым.

Легко, конечно, счесть все его искусство "эманацией его личности" и искать в его биографии, биографии знаменитого остролова, тонкого мыслителя, разгадки всей его лирики, но здесь-то и встречаются нас знаменитые формулы: "тайна Тютчева" и "великий незнакомец". (Таким же, впрочем, "великим незнакомцем" будет любая личность, поставленная во главу угла при разрешении вопроса об искусстве.)

Легче счесть его поэзию, и по-видимому, по праву, "поэзией мысли" и, не смущаясь тем, что это "стихи", попытаться разрушить их в общепонятную философскую прозу (такие попытки очень легко удаются и почти не стоят труда); затем можно их скомпоновать в философскую систему, и в результате получится "космическое сознание Тютчева", быть может, недаром иногда имеющее своим вторым заглавием: "чудесные вымыслы".

Это тем более как будто оправданно, что и впрямь стихи Тютчева являются как бы ответами на совершенно реальные философские и политические вопросы эпохи. Тогда стихотворение "Безумие", например, явилось бы вполне точным ответом на один из частных вопросов романтической философии: может ли быть дано мистическое познание природы не только во сне, но и в безумии (Тик, Шубарт, Кернер и др.) и т. д. и т. д.

Но уже Ив. Аксаков протестовал против этого простого оперирования "тютчевской мыслью": "У него не то что **мыслящая** поэзия, - а поэтическая мысль <...> От этого внешняя художественная форма не является у него надетою на мысль, как перчатка на руку, а срослась с нею, как покров кожи с телом, сотворена вместе и одновременно, одним процессом: это сама плоть мысли".

Здесь хотя и не особенно убедителен термин "*внешняя* художественная форма" и образ "кожа на теле", но очень убедителен отрицаемый подход к "мысли" и "стиху" как к руке и перчатке.

Философская и политическая мысль должны быть здесь осознаны как *темы*, и, конечно, функция их в *лирике* совсем иная, нежели в прозе. Вот почему, хотя и несомненно, что они являлись значащим элементом в поэзии Тютчева, вовсе не несомненен характер этого значения, а стало быть, и незаконно отвлекать их изучение от общего литературного, стало быть, необходимо учитывать их функциональную роль. Нет темы вне стиха, так же как нет образа вне лексики. Наивный же подход к стиху как к перчатке, а к мысли - как к руке, при котором упускалась из виду функция того и другого в лирике как особом виде искусства, привели в изучении Тютчева к тупику мистических "тайн" и "чудесных вымыслов". То же направление изучения привело к не совсем ликвидированной и теперь легенде об историческом "одиночестве" Тютчева.

На смену "тайнам" должен встать *вопрос* о лирике Тютчева как явлении литературном. И первый этап его - восстановление исторической перспективы.

2

Историческая перспектива оказывается в отношении Тютчева изломанной, неровной. Особый характер литературной деятельности - перерывы в печатании; глубокие и длительные перерывы интереса к нему, "забвения" и толчками идущие "воскрешения". И здесь нельзя, конечно, объяснять всего "непониманием" публики; ведь даже Достоевский писал Майкову в 1856 г.: "Скажу вам по секрету, по большому секрету: Тютчев очень замечателен; но... и т. д. <...> Впрочем, многие из его стихов превосходны" [1]. И, конечно, эти "но" и "впрочем" имели свой смысл у современников, но понять его можно, только установив характерные черты тютчевской лирики.

В первой половине XIX века грандиозная и жестокая борьба за формы, шедшая в XVIII веке, сменяется более медленной выработкой их и разложением, идущими часто ощупью.

Но жанр в такие периоды смены не лежит наготове - его следует впервые создать - начинается мучительный период его нащупывания. Жанр рождается тогда, когда найдено нужное слияние